

Журнал "Вокруг света"

№ 01, 1968

УДК 91
ББК 26.8
Ж92

Ж92 Журнал "Вокруг света": № 01, 1968 / – М.: Книга по Требованию, 2023. – 84 с.

ISBN 978-5-458-58083-0

Журнал "Вокруг Света" издается с 1861 года, и заслуженно считается лучшим научно-популярным изданием, о чем свидетельствуют многочисленные награды и читательская любовь. "Вокруг Света" позиционируется как журнал о путешествиях, научных открытиях, перспективах развития цивилизации, в общем о мире людей. Постоянными авторами журнала в разные годы были: Кир Булычев, В.Ерофеев, А.Беляев и многие другие. За время издания было выпущено 2860 номеров журналов (данные на май 2012 года).

ISBN 978-5-458-58083-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

привычных стволов бойцы держат в руках странные приспособления, напоминающие ведра с пробитыми днищами и стенками.

Эти аппараты — новинка на промыслах Башкирии. В них из специального раствора образуется обильная пена. Попадая на горящую нефть, пена отбивает пламя от воздуха и тушит огонь.

Пламя тупо и грозно гудит. Ветер наддает, как мехи в гигантском горне кузнеца. Нефть кипит, протуберанцами выбрасывая багрово-красный огонь. Дым — чернее сажи. Он настолько плотный, что даже ветер не в силах растащить его космы. Лицо и руки обжигает жар. «Почему они медлят? — думает Василий про Лощинина и Бормотова. — Слово хотят, чтобы молодые узнали, что такое настоящий пожар...»

Виктор Сергеевич Бормотов в синей ватной курт-

БЫЛА ТИШИНА...

ке, с мегафоном на груди отдает приказания. Бойцы стремительно соединяют рукава и бегут к огню, как к окопам врага. Командиры отделений докладывают о готовности. Василий тоже готов. У него лучшее отделение — на пять секунд раньше остальных замерло оно перед огнем, нацелив на него свои аппараты. Лощинин смотрит на часы — прошла всего минута, пока машины развернулись, оцепив пожар, и пожарные приготовились для схватки.

— Начали! — говорит Бормотов.

Шоферы включают насосы. Раствор из цистерн устремляется в рукава и закипает в аппаратах. Белой лавой плещется на огонь пена. Она быстро заполняет нефтяное озеро и своей мохнатой, похожей на свежий снег, шапкой забивает пламя.

Огонь шарахается от берега, уходит на середину озера. Но следом, прямо в нефть, только что горевшую, шагают бойцы.

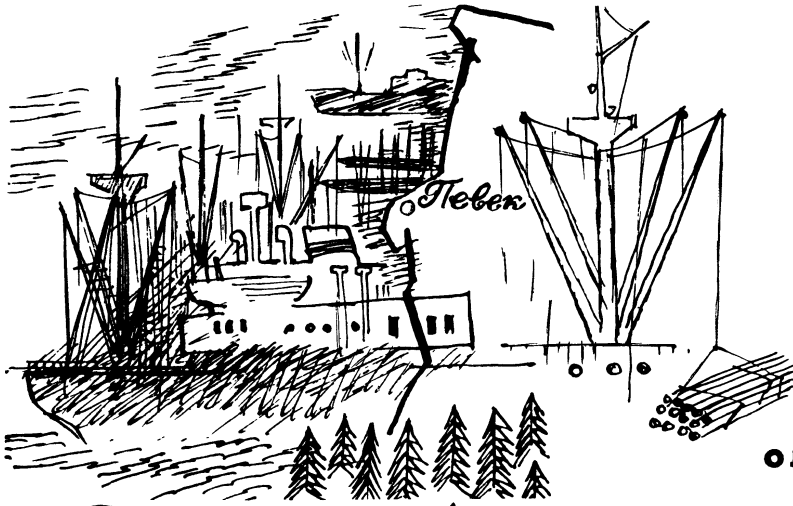
Еще с минуту по нефти мечутся пламя и дым. Еще с минуту во всю мощь своих металлических легких работают насосы. Еще с минуту клбкочет в едкой круговерти пена. И пожар сникает. Лишь пена да тоненькие струйки пара. Только что охваченная жутким, испепеляющим пламенем нефть отдает тепло морозному дню.

Бойцы вытерли закопченные потные лица и закурили. Лощинин тоже вытащил пачку сигарет и удовлетворенно затянулся...

Это огромное зло — пожары на нефтепромыслах, как ураганы, землетрясения, паводки и наводнения. В нефти всегда присутствуют взрывоопасные газы, в том числе метан. Вырываясь с глубин на поверхность с огромной скоростью, они несут с собой пыль и мелкие камни; стремительное соприкосновение с металлом — искра — и скважина взрывается гигантским фонтаном пламени. А сегодня...

Сегодня, как выяснилось потом, проходили обычные учения. Озеро было подожжено специально. В остальном все было так, как при настоящем пожаре. Пожарные бойцы должны быть всегда готовы к схватке с огнем.

ОЛЕГ КУВАЕВ,
наш спец. корр.

Очень большой

МЕДВЕДЬ

оз. Эльгыгытгын

р. Энмываам

Рис. В. НЕМУХИНА

Обстановка-то в общем была не из лучших. Жестяная печь отчаянно дымилась, несмотря на все наши фокусы. Мы мастерили ее два дня, использовав половину ящика из-под хороших галет «Арктика» и проволоку. Из второй половины галетного ящика согнули трубы. Печь мы топили ягелем. Сухой ягель вспыхивал минутным счастьем тепла, превращаясь в дым и нежаркий пепел. Кассиопея горит лучше, но кассиопея здесь не росла. Она не могла здесь расти, потому что сегодня, двадцать девятого июля, ветер хлестал по палатке снежной крупой. Такое сложилось лето. Этого никто не предвидел и даже не мог предвидеть, как выяснилось позднее.

Коля сидел у печки и отмахивался от дыма корявой рукой рыбака. Он торчал из громадных меховых штанов эдаким бородатым цветочком. Слезы скатывались по щекам и застревали в бороде мутным жемчугом.

Я взял бинокль, натянул кухлянку и отстегнул тугие застежки палатки. У входа намело ослепительную снежную кося. За палаткой хлестала о берег пенная вода озера Эльгыгытгын. Был пропащий для поисков день. Полосы снежных зарядов вроде паникующих волчьих стай металась над озерной котловиной. На юг, к долине, вытекающей из озера реки Энмываам, видимость держалась с километр, не больше. Гора Чувэриной на восточном берегу со своим великолепным, на десятки километров заметным цирком проглядывала лишь смутным силуэтом остроконечной вершины. Все это поминутно менялось. Когда я повернулся к кражу Академика Обручева, увидел его весь. Десять минут назад его не было видно. Снег завалил вершины, облака приплюснули их, и горы сравнялись; они напоминали пологий заснеженный зимний перевал, когда он уже близок, ясно видны ложбины и краешек неба за перевалом.

Я не стал расстегивать палаточный вход, лег на живот, поднырнул и вполз в дымное, пропахшее шкурами и рыбой логово. Коля мучительно шарил в глубинах необъятных штанов, искал спички, чтобы разжечь потухший примус. На мгновение я забыл, что сейчас конец июля. Щемящая тоска зим-

По следам гипотезы

него нартового пути — от нее не избавиться тому, кто хоть раз бывал в нартовой дальней дороге, — синяя тяга заснеженных перевалов дружеской ладошкой сжали мне сердце. Может быть, на зимней дороге и началось то, что привело меня сейчас в горы центральной Чукотки, на озеро Эльгыгытгын.

Я поверил, что медведь-кадьях существует. Да, я занимался в чукотских горах поисками зверя, которого у нас никто не видал, и поверил в этот день, что он есть.

«...В 1898 ГОДУ ВПЕРВЫЕ СТАЛО ИЗВЕСТНО О СУЩЕСТВОВАНИИ САМОГО КРУПНОГО В МИРЕ ХИЩНИКА — ОГРОМНОГО БУРОГО МЕДВЕДЯ, ОБИТАЮЩЕГО НА КАМЧАТКЕ...»

Бернар Эйвельманс,
бельгийский зоолог

«...ОН ВЗГЛЯНУЛ ТУДА, И КРОВЬ ЗАСТЫЛА В ЕГО ЖИЛАХ — ТАМ, НА ГРЕБНЕ ХОЛМА, НА РАССТОЯНИИ БРОСКА КАМНЯ ОТ ТОГО МЕСТА, ГДЕ ОН ДОЛЖЕН БЫЛ ВЫЙТИ ИЗ КАНЬОНА, СТОЯЛ АКЛУ, ОГРОМНЫЙ МЕДВЕДЬ СЕВЕРНЫХ ПУСТЫНИ!»

Фарли Моуэт, канадский писатель

«БЫВАЕТ. ВСТРЕЧАЕТСЯ. РЕДКО.»

Иван Ульвелькот, чукотский охотник

В этой вере было много интуиции и мало фактов. Но ведь интуиция — это один из путей к конечному логическому познанию. Когда Амундсен отправлялся открывать Северо-Западный проход, где потерпели неудачу десятки экспедиций, он почти интуитивно выбрал шхуну «Иоа» с мелкой осадкой и плохими вследствие этого мореходными качествами, но мелкая осадка предопределила успех экспедиции, и с той поры использование таких шхун стало правилом в водах Канадского архипелага. Великий Нансен обосновал свой знаменитый дрейф с востока на запад на худых фактах, эдаких слабо паспортизированных деревяшках, выкинутых на берег Гренландии. Много писалось о феноменальном даре академика Колмогорова, который может указать конечное решение проблемы за многие месяцы до того, как будет найден логический ход решения. Не стоит много рассуждать об интуиции, но она родная сестра уверенности в правоте, и она поддерживает и в тех случаях, когда твоя уверенность

для большинства — едва ли не абсурд.

Когда родилась моя интуиция? Может быть, на одном из перевалов Западного плато острова Врангеля, когда мой хитроватый друг Иван Ульвелькот, каюр экспедиционной упряжки, произнес во время перекура: «Я двадцать раз проходил этот перевал на нартах. И каждый раз встречал новое. Еще двадцать раз поеду и опять увижу другое. Умру я, умрут все будущие люди, и все равно останется неизвестное...»

Впервые я услышал об «очень большом буром медведе» в 1959 году на реке Угаткин, в верховьях Чаунской долины, от пастухов-чукчей. База нашей партии и стойбище пастухов находились рядом. У нас быстро установились добрососедские отношения. Имел место высший тундровый этикет. Вечерний блеск огня под чайником, слабый треск горячей полярной березки, запах кирпичного чая, запах шкур яранги, тишина ночной тундры.

Как дети, мы любили ночью толковать об интересных и страшноватых вещах. Я слушал про озеро, которое иногда вздувается страшным бугром и бугор тот лопается, распространяя зловоннейший запах, и «о большом, как яранга», буром медведе, который ходит в горах. Я точно помню, что медведя я объяснил горным чукотским туманом, в котором можно зайца принять за лошадь.

Гораздо позднее мне попала в руки книга бельгийского ученого Бернара Эйвельманса «По следам неизвестных животных».

«В Западной Европе, — пишет он, — лишь в 1898 году впервые стало известно о существовании самого крупного в мире хищника — огромного бурого медведя, обитающего на Камчатке, в Северо-Восточном Китае и на Сахалине. Родич его, медведь-кадьях, живет по другую сторону Берингова пролива, на Аляске. Этот медведь — настоящее чудовище. Длина его более 3 метров и вес более 700 килограммов...»

В голове у меня с той поры остался маленький пунктик, эда-

кий гвоздик с еле торчащей шляпкой, и я стал собирать материал об «очень большом медведе». Мне не удалось установить, чтобы кто-либо из серьезных людей слышал на Камчатке или на Сахалине о невероятно большом медведе. Точнее, я установил, что никто о нем не слышал. Большие и страшные медведи были и есть, но я искал информацию именно о наводящем ужас чудовище, о котором мне говорили под треск костерка из полярной березки пастухи глухой Чаунской долины. В одной популярной книге попало сообщение, вероятно, основанное на Эйвельмансе. Но имелось любопытное расхождение. Вместо Камчатки, сведения о медведях которой систематизировал еще академик Крашенинников, упоминалась Корякия — глухая горная страна, расположенная на границе Камчатки с Чукотским полуостровом. Вот это было любопытно!

Следующий слух о загадном звере чукотских долин дошел до меня через два года. Началось все с... белых медведей. В апреле 1963 года на двух грузовых нартах с лаборантом Сергеем Скворцовым и каюрами Куно и Ульвелькотом двигались по южному побережью острова Врангеля от бухты Сомнительной к мысу Блоссом. Примерно на второй половине пути, после лагуны Предательской, вдоль берега моря здесь идет узкая коса. На этой косе и на отменях мыса Блоссом, где находится моржовое лежбище, частенько остаются трупы погибших от разных причин моржей. Белые медведи знают это и в голодные весенние месяцы выходят на косу. Они там обычны, и одного из них мы вспугнули. Вначале он убежал вдоль косы, потом стал уходить во льды, как всегда делают белые медведи, уходя от собачьих упряжек. Это был зверь солидных размеров. Мы хорошо рассмотрели его, пока удерживали взбесившихся собак, которые рвались в погоню. На какое-то мгновение мы, видимо, отвлеклись, потому что вскоре увидели двух медведей. Вот этого, второго, можно было назвать чудовищем. Громадный, стареющего желтого цвета зверь даже не убежал, а просто уходил рядом с первым; лимонная шерсть на задних колыхалась, и первый, ведь тоже матерый зверь, выглядел рядом с

ним как теленок рядом с коровой-мамой. Ульвелькот даже посерел от интереса. Собаки наши совсем озверели, мы с трудом их удерживали, но все-таки я проследил в бинокль, как меньший почитительно отклонил курс в сторону, а большой так и ушел во льды, похожий на потревоженный стог сена... Позднее мы наткнулись на его следы — что-то вроде днища бензиновой бочки. Я то не был авторитетом, а Ульвелькот, полярный охотник, сказал: «Бывает. Встречается. Редко». И пресек бсезду. Не знаю, что он хотел сказать. И не удалось пока узнать... Но не в этом ли следует искать разгадку истории, услышанной мной от пастухов, и того, о чем писал Эйвельманс? Как-то на стоянке на островах Серых Гусей, близ Колючинской губы, капитан нашей байдары в ответ на мой рассказ о «чудище мыса Блоссом» сказал: «Есть в горах. Другой. Очень страшный. Я не видел. Мало кто видел. Слухи». Должен добавить, что раньше наш капитан был пастухом.

Потом я наткнулся на книгу Фарли Моуэта, полярного исследователя, этнографа, писателя, прожившего годы среди континентальных эскимосов Аляски, — «Люди оленьего края». Здесь не место писать о достоинствах этой прекрасной книги и строгого человеческого документа. Для моего поиска важно, что Фарли Моуэт приводит в ней легенды, слухи и рассказы, услышанные от жителей страны Барренс. Вот что случилось с ихалмютом¹ Белликари, когда он был еще мальчиком.

«...Он взглянул туда, и кровь застыла в его жилах — там, на гребне холма, на расстоянии броска камня от того места, где он должен был выйти из каньона, стоял аклу, огромный медведь северных пустынь!

Аклу — страшный бурый зверь, ростом вдвое выше белого полярного медведя; это таинственное чудовище, о котором мало кто из белых людей слышал; свирепое животное, оставляющее на песке следы длиной в половину руки человека; аклу, чье имя однозначно со словом «ужас» на языке полярных эскимосов!

Встречается он редко, так что многим ихалмютам даже не доводилось видеть его следов, чему они очень рады. И все же он существует, этот гризли Барренс!»

Совпадение с тем, что я слы-

шал семь лет назад от друзей-пастухов, было поразительным!

Кадык, пастухи, переросток среди врангелевских льдов, аклу, Эйвельманс... Слова байдарного капитана. Я чуть не рвал на себе волосы от досады — я даже фамилий пастухов не запомнил. В общем я пришел к убеждению, что если организовать экспедицию на Чукотку, то, может быть, посчастливится разобраться или хотя бы начать разбираться во всей этой чертовщине с медведями непомерной величины, о которых говорят то на Чукотке, то на Камчатке, то на Аляске...

С этим я и пришел в «Вокруг света» — я вспомнил, что еще с давних времен существует благородная традиция проведения поисков, экспедиций под флагом какого-либо журнала.

Общий план в конце концов свелся к следующему. На Чукотке есть горное озеро Эльгыгытгын. Оно расположено в центральной части Анадырского нагорья на водоразделе между реками Чаунской и Анадырской долин, первые из которых впадают в Ледовитый, а вторые — в Тихий океан. А север уходят истоки Угаткына, Пучевеема, Омрелькая, Чауна. На юг — Юрумкувеема и Энмываама; сливаясь, они образуют большую реку Белую, впадающую, в свою очередь, в Анадырь. К востоку начинается царство Большого Анюя, Анадырское нагорье с сотнями больших и малых долин, разделяющих и разрезающих небольшие горные кряжи. Район озера Эльгыгытгын, находящегося в центре этой сумятицы, — один из самых глухих на Чукотке. Даже геологические экспедиции здесь бывали «краем»; по перспективности район не относится к первоочередным. Но с давних пор оно было «Меккой» оленеводов. Летом здесь холодно, в отдельные годы на озере даже не исчезает лед, о чем говорит перевод названия: «Нетающее озеро». Надо сказать, что само озеро числилось у чукотских старожилых легендарным. Ходили слухи о невероятных рыбах, обитающих в нем, о «стадах медведей», пасущихся на его берегах. И если где-то бродит канадский аклу, или кадык, то и чукотский аклу запросто мог сохраниться среди сотен глухих горных долин, окружающих озеро Эльгыгытгын.

Итак, мы выбрали за исходную точку озеро Эльгыгытгын. От Чаунской губы его отделяло триста километров.

Друзья, с которыми я тут же списался, Коля Балаев и Володя К. сами собирались в этом году на озеро Эльгыгытгын. Николай Балаев намеревался вести там промысловый лов рыбы. В районе озера в этом году базировалась партия геологов, и их изредка навещал самолет АН-2, садившийся на галечную террасу реки Энмываам. Балаев со своим рыбацким грузом уже вылетал на зафрахтованном самолете, Володя соглашался подождать меня. Все-таки самолет на озеро Эльгыгытгын летал редко, случайно, предугадать рейс было невозможно, но зато хорошо было известно, что погода, пригодная для полета, «прорезается» на озере лишь иногда.

Оставалось обдумать цель поисков. Прежде всего я намеревался найти доказательства реальности существования неведомого зверя. В случае крайней удачи — увидеть. При невероятной — сфотографировать.

Ну о верхней ступени этих замыслов, по-видимому, лучше умолчать. ...Великий Кювье заявил в самом начале XIX столетия, что надежд на открытие новых видов крупных млекопитающих почти не осталось. Прогноз его не оправдался: именно в конце XIX столетия и в начале XX новые виды крупных млекопитающих выпалили как из рога изобилия. Были открыты дикий верблюд, дикая лошадь Пржевальского, тибетский медведь, карликовый гиппопотам, карликовые водяные слоны — всего не перечтеть. В своей книге Эйвельманс называет множество крупных животных, открытых в последнее столетие, дотолее неизвестных науке. Поиск продолжается. Известно, что в последнее время много говорится о реликтовых животных, то есть о существах, уцелевших от давних эпох в редких благоприятных для их существования оазисах. Мировой сенсацией явилось открытие целаканта — рыбы, которую называют предком всех живущих на суше. ...Нет, о верхней ступени экспедиционных замыслов лучше все-таки было помалкивать, ибо Кювье, во всяком случае, был прав в том, что открытие нового вида в наше время не шутка, а источник длинной цепи серьезнейших научных обобщений.

Просмотр научной литературы, которую удалось добыть, не дал ничего существенно нового. Г. Ф. Бромлей в недавно вышедшей книге писал: «Дальневосточ-

¹ Ихалмюты — племя континентальных эскимосов Аляски.

ные, или камчатские, медведи отличаются от медведей прочих подвидов крупными размерами, достигающими максимума среди медведей Старого Света». Вопрос о медведях Анадырского края он считал недостаточным ясным. В книге Л. А. Портенко «Фауна Анадырского края» писалось, что на Чукотке водятся два типа медведей: колименсис — помельче и берингианус — большие.

Последнее как бы примиряло извечные споры среди геологов-охотников, ибо одни считали чукотского медведя очень крупным, другие очень мелким. Наверное, среди медведей Эльгыгытгына встречались оба типа, но меня интересовал третий, особый тип.

Кроме фотоаппарата, я взял восьмикратный бинокль. Для горных охот многие применяют бинокли с большим увеличением, но опять-таки к своему я просто привык, и, кроме того, бинокль с большим увеличением сильно снижает поле зрения. «Своего медведя» я надеялся рассмотреть и в восьмикратный.

В первых числах июля я отправился в Певек.

Певек возник в начале тридцатых годов, когда в стране был острый оловянный голод. В образцах, доставленных С. В. Обручевым с соседнего мыса Валькумей, нашли касситерит — оловянную руду.

Вскоре на Валькумее был открыт рудник, а Певек стал базой чукотских геологов. К Валькумее прибавились оловянные прииски в тундре. Певек превратился в крупный поселок с солидным морским портом. Однако в 40-х годах на пресном озере возле него можно было стрелять уток в трехстах метрах от домов. В пятидесятых геологи Певека заключили многолетнюю историю поисков чукотского золота. Было открыто крупное промышленное месторождение на реке Ичувеем. Утки с озера исчезли — Певек бешено строился, транспорт еле успевал привозить народ. Может быть, поэтому и называли Певек «чукотским Клондайком». Но между ними есть разница, не меньшая, чем разница между игроком в «орлянку» и математиком.

...Клондайк возник как случайная удача, как выигрыш в игре. Игрок уповает на счастье, математик — на логику мира, логику науки. Развитие Певека шло и идет логичным путем, ибо базой его служит логика геологической

науки, которая давно уже выросла из детских штанишек старательского «фарта» и сейчас может прогнозировать свою удачу на десятилетия вперед. Певек сам может служить примером удачных прогнозов. Он далеко не исчерпал свое олово, на котором вырос, только начинает разрабатывать золото, только подступает к ртути, но дальнейший прогноз уже называет другие металлы, о которых еще рано говорить, но которые неумолимо возникнут на карте названиями поселков...

Многие из бывавших в Певеке утверждают, что поселок страшен как непригляден. В общем-то ему некогда и трудно было становиться приглядным. Знаменитые «южаки», несущие тучи песка, снега и даже щебенки, сдирают с домов окраску. Тепловая электростанция, которая дает энергию Певеку и многим приискам на сотни километров вокруг, естественно, коптит. Ну что говорить, Певек — это не образцовый город, это работага, таким он родился. Но тому, кто хочет оценить его красоту, надо просто летом забраться на сопку. И тогда Певек оказывается городом, торчащим из воды. С земли этого не заметно. Но с сопки кажется, что кубики домов, проклинаемая труба электростанции и порталные краны — все это размещается где-то на сваях. Под сваями море.

...Я мчался к геологическому управлению, как к родному дому. Мне прежде всего хотелось посмотреть на огромный, как башня тяжелого танка, череп быка примигениуса, что извека лежал у входа. У меня с этим черепом связаны мемуары. Задыхаясь, я устремился к входу и черепа не увидел.

Вдоль всего фасада управления был разбит сквер. В сквере показывались рослые ромашки. Крупные ромашки, не меньше тех, что растут под Москвой, покачивались на мокром ветру, и сверху посыпал ледяной дождик и снег.

Пожалуй, только сейчас я увидел этот снег и то, что стою на бетонном тротуаре, которого раньше не было, и осознал, что Певек-то мой ведь стал четырехэтажным. Город в общем. Я вошел в свой бывший родной дом. Управление было пусто, как бывает пусто геологическое управление в разгар летнего сезона. Где-то в глубине коридора маялась одинокая фигура. Наверху в своих кабинетах были на посту

Лев Константинович Хрузов — главный геолог, и Ларионов Яков Севастьянович — начальник экспедиции. Из этих стен вышли лауреаты Ленинской премии, кандидаты и доктора наук, первооткрыватели уникальных месторождений. Лев Хрузов и Яков Ларионов принадлежат к плеяде старожилков — они тут с незапамятных времен. Сейчас в ход пошла ртуть. На уникальном месторождении киновари, открытом в 50-х годах Виктором Копытиным, вступал в строй уникальный же ртутный комбинат. Клондайк исчез вместе с золотом — канул в миражи легенд и преданий, остались книги Джека Лондона и статьи «Даусон — мертвый город», «Вымершие небоскребы», в общем все вымершее, вроде как в палеонтологии, откуда явился тот бык примигениус. Куда они все-таки девали его череп? Я этого не узнал, череп исчез, но Певек, посыпаемый дождичком, пылью и снегом, прочно стоял на месте и собирался стоять, как собиралось стоять его прославленное геологическое управление, а мне оставалось только гордиться, что в этом здании, откуда вышли первооткрыватели месторождений, кандидаты наук, лауреаты Ленинской премии, и я «родился» как инженер и отсюда начинал свои первые экспедиции...

Коля Балаев со своим рыбацким снаряжением давно уже был на озере. Мы были вдвоем с Володиной К., который сдержал свое слово — дождался меня, и перед нами стояла редкая по сложности задача.

В этом году навигация началась необычно рано. В этом году стоял необычно мерзкий июль. Все в этом году с погодой было необычно, и мы еще не знали, что это серьезно.

На прииски возвращался отпускной люд, на десятках «точек» требовались солярка, бензин, доски, цемент, кислородные баллоны. В отделе перевозок рычащими львами сидели снабженцы и хватили с боем первый подвернувшийся «борт», в крохотной комнатушке ожидания томилось крупнокалиберное начальство с грозными бумагами, а над всем этим бушевала чукотская июльская непогода.

Ночевать здесь, на базе, было негде, все-таки это была Чукотка: на крыльце тут не подремлешь, а ставить палатку и разворачивать спальные мешки

считалось неудобным: Певек не дикая тундра.

...О таких перевалочных базах можно писать эпопеи. Великие биографии курили на крыльце, бродили по шлаковым дорожкам и маялись в креслах. Невероятные рассказы о потрясающих событиях запросто висели в воздухе. Немыслимые личности мирно били «козла» на обшарпанных чемоданах.

Среди серых красок чукотского лета возвращается первозданный смысл к ставшему пошловатым выражению — «дети — цветы жизни». Как всегда на всех перевалочных базах, здесь было много детей, и они оставались детьми среди гула прогревающихся моторов, суеты автобусов и грузовиков. Большинство было одето почему-то в красный цвет, возможно из-за очередных чудес снабжения. Но на севере красный цвет приятен для глаз.

По шлаковым дорожкам нашей базы лихо носился красный автомобиль. Он мчался по лужам, выписывал повороты, давал

задний ход. Педали автомобиля крутил пацан лет четырех, у него были замашки всамделишного лихача, шоферская кепка с козырьком и темные очки. Пожалуй, он был во всем скопище путешественников самым неунывающим человеком.

К середине июля установились погожие дни. Однако погода на озере оставалась задачей с многими неизвестными. Анадырское нагорье возвышалось на юге синой стеной, и над стеной этой клубились облака.

20 июля в семь часов мы перехватили случайный АН-2. Вместе с нами летел Владик Писаренко, инженер-синоптик, долговязый, сухолицый, похожий в своей вязаной шапочке скорее на бродячего матроса с какою-нибудь бродячего китобойца. Он сказал, что погода над нагорьем «так-сяк», и просветил нас о погоде в этом году вообще.

Владик Писаренко, задумчиво пожевывая кончик папиросы, со-

общил, что в этом году мы имеем аномальный метеогод. В Тихом океане взбесились тайфуны. Их уже успело проскочить втрое больше годовой нормы. На севере, наоборот, необычайно ранняя весна, ранняя навигация, и все это может кончиться очень ранней зимой.

Погода бродит по одиннадцатилетним циклам, связанным с солнечной активностью, внутри того цикла вроде все идет по канонам, в промежутке же между циклами бывает год, когда все закономерности летят к чертям: ошибаются всеведущие деревенские деды, а грамотные и сильно оснащенные электронной аппаратурой синоптики не решаются дать дальний прогноз, в аномальный метеогод может случиться все что угодно. Я только теперь понял причину возникновения в Певеке странных слухов: в разгар необычайной июльской холодины этого года вдруг пошли разговорчики, что это уже все, что дальше будет зима. Оставалось утешаться, что никакой синоптик не мог дать

МУМИИ — 300 МИЛЛИОНОВ ЛЕТ

Вряд ли была бы рассказана эта история, если бы не шотландские мальчишки. Однажды они забавлялись, кидая в воду плоские камешки и подсчитывая, сколько раз камешек подпрыгнет над поверхностью воды.

Тогда-то им и попалась каменная плитка с вмурованными в нее останками какого-то существа, которое впоследствии заинтересовало всех палеонтологов мира. К счастью, камень оказался слишком неудобным для игры. Слух о находке дошел до специалистов, и плитка очутилась у профессора Уиллса...

Так были найдены окаменевшие останки скорпиона, который жил на земле 300—350 миллионов лет назад.

Скорпион был, видимо, в числе первых морских организмов, которые начали заселять сушу более чем 300 миллионов лет назад. И с тех пор внешне он почти не изменился! Если бы не размеры (современный потомок вдвое мельче своего ископаемого предка), глаз неспециалиста вряд ли сумел бы отличить их друг от друга. Скорпионы начали свой жизненный путь в эпоху, когда не было не только Гималаев и Кавказа, но даже Урала. С тех времен не раз и неузнаваемо обновлялся облик животного мира; и только скорпион оставался верен прошлому.

Но, может быть, сходство лишь внешнее? По остаткам древних существ палеонтологи обычно без особого труда восстанавливают внешний вид вымерших животных, реконструируют скелет. Ткани организма, как правило, не сохраняются, и пред-

ставить себе физиологическую организацию ископаемого существа во многих случаях почти невозможно. Потому легко понять восторг Л. Штрёмера — специалиста, которому была передана на исследование шотландская находка: она сохранилась так хорошо, что уцелели даже осязательные волоски лапок скорпиона.

Штрёмеру удалось сделать из них тончайшие препараты. В срезах осязательных волосков скорпиона он под микроскопом увидел тончайшие внутренние тяжи — нервы. Ископаемые нервы!

После их исследования не осталось сомнений, что и по микроскопическим особенностям внутреннего строения ископаемый скорпион похож на современного. Третью миллиарда лет назад природа создала настолько идеальное существо, что последующие сотни миллионов лет внесли в эту конструкцию совсем немного доделок. Выходит, далекое прошлое нашей Земли отчасти существует и по сей день.

Но сенсации еще только начинались. Три года подряд шаг за шагом Л. Штрёмер восстанавливал и очищал от породы тело скорпиона. Особенно хорошо сохранился хитиновый покров кожи. И вот на поверхности «бедр» последней пары конечностей исследователь обнаружил странный рисунок. Его создавали какие-то палочкообразные тела, иногда близко расположенные друг к другу, иногда расходящиеся причудливыми разводами.

Опять в дело были пущены средства микроанализа. Много месяцев длилось исследование. Результат удивил самих исследователей: палочкооб-

никакого ручательства, раз аномальный метеогод путает карты...

Самолет трудолюбиво гудел над долиной Чауна, по которой я бродил в 1959 году. Она гигантским корытом подходит с севера к Анадырскому нагорью. В дальнейшем воздушным ориентиром по дороге к озеру служит русло той самой реки Угаткын, где я впервые услышал об очень большом медведе.

За холмами Чаанай стали появляться клочья тумана. В предгорьях они стали еще гуще. Тягостное предчувствие охватило нас, ибо самое-то сложное было впереди, а впереди торчала стена облаков, нам еще предстояло одолеть перевал и черт те что там, какие погоды ждали нас за тем перевалом. Владик Писаренко кончил рассказывать про метеогод и уселся в проеме пилотской кабины. Пилоты помалкивали. «Аннушка» все набирала и набирала высоту, капли воды скользили по стеклам, земля исчезла. Она только изредка пронеслась в разрывах облаков — черная, не-

уютная, каменистая земля чукотской горной тундры. В разрывах белой полосой извивалось русло реки Угаткын.

В кабине похолодало. Разрывы стали совсем редки, они сомкнулись в плотную пелену. Над этой пеленой серыми стенками висели серые полосы второго этажа облаков, самолет пронесся сквозь них на ощупь, как человек, входящий в парную, а выше висел следующий этаж. Казалось невероятным, что мы только что шли над залитой вечерним солнцем долиной Чауна, смотрели на розовые от заката домики перевал-базы и розовые камни вокруг. До озера по времени оставалось тридцать — тридцать пять минут.

...Гряда плоских чукотских сопкок плыла над крылом, следующая гряда, повыше, надвигалась спереди, и над всем этим великолепием черной щебенки и черного мха не было ни облачка.

Командир оглянулся и крикнул. Мы не расслышали. Тогда он показал десять пальцев. Через десять минут.

Вершины сопкок были покрыты снегом. Летний и осенний снег на чукотских горах производит гнетущее впечатление. Черный цвет камня прорывается сквозь него, и оттого снег приобретает серый, даже какой-то трупный оттенок. Это совсем не похоже на сверкающие снежные вершины Тянь-Шаня, Памира или Кавказа. От тех вершин настраиваешься на торжественный, органнй лад, на размышления о красоте, всеобщей гармонии мира. При виде летнего снега на Чукотке мысли крутятся вокруг снаряжения, достоинств личного спального мешка, примусных иголок.

Потом горы со своим мертвенно-синим снегом гора-то провалились, и вынырнуло долгожданное озеро. Я не знаю, с чем его сравнить. Пожалуй, если вылить флакон не очень густых чернил на ослепительный лист бумаги — это будет как раз. Круглое озеро лежало в круглой земной чаше. По бокам частоколом торчали конусовидные сопки.

Продолжение следует

разные тела длиной около 250 микрон имели явное сходство с современными червями — нематодами.

Иногда нам кажется, что мы очень хорошо знаем мир вымерших животных. Описаны, изучены, классифицированы многие тысячи видов, восстановлены главные этапы эволюции.

И все же нам известна едва ли сотая часть живых существ, некогда населявших море и сушу. В земле сохранились останки преимущественно тех организмов, которые имели хоть какое-то подобие скелета. Все прочие стерты временем в безмолвную пыль...

Древние нематоды из мумии скорпиона были гостями из того самого мира древних животных, чей след, казалось бы, исчез навеки.

В некоторых нематодах обнаружались какие-то нити — все, что уцелело от древних грибов, развившихся в теле скорпиона после его гибели. На этом находки не кончились. Далее внимательный взгляд ученых открыл и других окаменевших «жильцов» мумии. То были микронного размера тельца, видимо, части древнего организма, родственного теперешним актиномицетам — лучистым грибок, похожим одновременно и на бактерии и на простейшие грибы.

Наконец, обнаружались какие-то странные кристаллики. Рентгеноструктурный анализ показал, что они образованы пропионовым барием и кальцием. Кристаллы такого состава возникают как конечный продукт сложных реакций, идущих под воздействием особых пропионовых бактерий, живущих и поныне (в наши дни деятельность пропионовых бактерий используется для производства негорючей кинопленки, особых лаков, искусственного шелка).

Окаменевший скорпион, оказывается, заключил в себе целый палеонтологический «зверинец». Да

еще какой! Там были формы древней жизни, об облике, строении, деятельности которых раньше можно было только гадать. Эти формы ценны еще и тем, что принадлежат они простейшим организмам, ближе стоящим к истокам эволюции, чем те, с которыми палеонтологи обычно имеют дело.

Ученые как бы просмотрели целый кинофильм, отснятый оператором-природой 300—350 миллионов лет назад.

Этот скорпион вел обычную жизнь в морских зарослях у берегов. Он, так же как и все скорпионы Земли, промышлял пищу, исполнял со своей подружкой замысловатый танец любви, сражался с противниками.

Потом пришла смерть. Скончался скорпион на берегу моря. Волны, накатываясь, принесли с собой тонкую глинисто-песчаную мусть, которая, как саваном, прикрыла тело гигантского насекомого.

Немедленно собрались у трупа черви-нематоды. Они полностью бы съели скорпиона, но порода замуровала их, и они задохнулись.

Жизнь в теле скорпиона, однако, продолжалась. Там поселились грибы, разъедавшие и насекомых и нематод. Их, в свою очередь, уничтожили актиномицеты. Все это пожиралось пропионовыми бактериями. А потом все они окаменели. Некогда живые и активные организмы замерли на сотни миллионов лет.

И вот прошлое ожило. То невообразимо далекое прошлое, когда жизнь еще только-только овладевала сушей и когда до появления человека должна была пройти треть миллиардолетия.

А. МАЛАХОВ,
доктор геолого-минералогических наук

МОЕ МЕТРО

Есть вещи, превосходящие свое первоначальное назначение. Не таково ли московское метро?!

Оно переплелось с городом и жизнью его людей так тесно, что стало свидетелем его истории — его дней и ночей...

Разноцветные полосы линий, сплетенные в середине кольца, бегут далеко за его пределы во все концы. Это схема и самой Москвы. Она повторяет радиально-кольцевую структуру города, обозначает магистрали людских передвижений... И еще, быть может, это и образ?

Образ города, в котором все тяготеет к центру, к уложенной веером голубой брусчатке Красной площади, где все сплетается в один узел, к площади, которая и исток и устье, как сердце...

Линиям трудно оставаться параллельными в Москве. Они или схватываются, или расходятся без оглядки. Улицы бегут путями, извилистыми и прихотливыми, огибая или взбираясь на холмы. Рельсы, сокращая расстояния, стелются под землей прямее.

Я не могу помнить то раннее майское утро 1935 года, когда сине-морские вагончики прокатили первых восхищенных пассажиров от «Сокольников» до «Коминтерна», но я помню это. Старые фотографии крепко врезались в память. Я вижу эту довоенную Москву — трамвайно-звонкую, по-юношески угловатую. Москвичей в спортивных кепках с большими козырьками, вузовок в полосатых майках, парусиновых старичков, работниц, курсантов и, наконец, героев дня — метростроителей.

Трудно было строить на первых порах. Это были наши первые дороги под землей. Пыли непослушные водоносные грунты, выбегали подземные ручьи и речки. Горняки Урала и Донбасса — вся страна пришла на помощь столице. Метро было объявлено ударной комсомольской стройкой.

Уже в сентябре 38-го включается вторая, Горьковская, линия. И тогда, как и сегодня, люди, поражаясь, разглядывали неожиданные дворцовые залы вестибюлей, а там, на моей «Маяковской», будто небо гаядело в овальные проемы потолка. Разрисо-

ванное Дейнекой довоенное небо — стратостаты, планеры, парашютисты и глядящие в синеву подейнековски нескладные физкультурники. А колон-

восстанавливать разрушенное и строить новое. И для каждого в ночи светилась красная буква «М» — знак тепла, доброты и постоянства.

Метро глубоко пустило корни своих линий и еще больше скрепило ими Москву, как скрепляет дерево землю. И сегодня машущие ладони его дверей пропускают нас в добрый и надежный дом, в котором свой неизменный ритм — ритм точного часового механизма, своя атмосфера и погода. Летом она спасает от асфальтового удушья и липкой городской жары, а в зимнюю стужу теплое дыхание метро, белым облаком повисшее у дверей, согревает вас, пропуская в мир, полный до нечувствительности привычных чудес...

Здесь на одной дороге встречаются внешне неприметный московский старожил; он строил метро; выиграл эту войну и хранит бледные фото, на которых он в шинели, рядом с погибшими; колхозница в плюшевой черной жакетке и щеголеватый студент с очень солидным желтым портфелем; нетерпеливо взбегає по ступенькам девушка (как бы не зацепило каблучок!); и рядом старуха, для которой подъем и по обычной-то лестнице почти подвиг, а капсула с валидолом лежит в кармашке рядом с платком и ключами.

Смотрите! Вы можете не встретиться больше. Эскалатор унесет эти фигуры вниз или поднимет в город. Эти цепочки ненаписанных портретов, невыдуманных персонажей, плывущие навстречу друг другу неповторимые варианты человека... Кстати, можно думать, что в стародавнем выражении «вереница образов» уже жила идея эскалатора, а патент не был получен из-за технических неясностей. Двигается лестница, масляными пятнами расплываются отражения погонных фонарей, и люди плывут протяжно, как кодированные характеристики на экране осциллографа. Тут и равномерные плавные участки и «пики» — резкие скачки уровня. Это может быть новогодняя елка, или лыжи, или крест, замотанный в холстину...

А как едут на эскалаторе дети? Они обязательно что-нибудь считают. Считают фонари, скользят пальцем по боковым щитам облицовки — считают соединительные металлические полоски. Или скатывают вниз бумажные шарики, поражаясь собственной отваге.

Взрослые же, если не увлечены газетами или книгами, смотрят по сторонам привычно равнодушно, стараясь казаться абсолютно незаинтересованными, — таков уж этикет большого города, хотя нет ничего интереснее, чем эти случайно встретившиеся люди.

Впрочем, могут возразить, что для вечно спешащего москвича все эти чудесные мраморные станционные залы — лишь потерянное время. Какие уж тут размышления и любования в толкотне часов «пик»! В это время москвич если и размышляет, то скорее о том, что эти двое впереди могли бы идти побыстрее, о том, в какой части перрона тактически выгоднее ждать свободного вагона; или, если поезд ушел перед носом, о том, что тебе вообще никогда не везет, хотя следующий состав появится скорее, чем успеешь почувствовать себя неудачником.

И все-таки! Несмотря на дела и беготню. настоя-

Мир моих открытий

ны розовато-голубого зала станции были армированы сталью, уходящей вверх дугами, вызывая в памяти цельнометаллические АНТы тех лет: машины времен покорения полюса и легендарных беспосадочных перелетов.

Мне не забудется метро и тех дней, когда в черном морозном небе качались дымные прожекторные столбы, а окна домов были заколочены досками и ослеплены мешками песка. Метро стало домом для всех. Не слыша воздушных тревог и грохота зениток, на «Маяковской» спали дети. Они поворачивались и раскрывались во сне, а матери укрывали их теплыми домашними одеялами. И дети, проснувшись, видели на мозаиках довоенное небо — планеры, парашютисты...

Потом кончилась война.

Отправляясь в детсад, малыши стучали деревянными подошвами ботинок по мраморному метровскому полу, а матери шли в рабочих телогрейках, остроплечих пальто и беретках, проколотых булавками — для красоты. Шли на заводы, к станкам —

щий москвич успеет отметить знакомые приметы станций. Отметить и внутренне порадоваться ярким цветным витражам «Новослободской», парашютным стропам вдоль стены «Аэропорта», бронзовым фигурам «Площади Революции».

Но чтобы рассмотреть залы по-настоящему, лучше всего выйти «из игры» и устроиться, скажем, на мраморной скамейке одной из станций или просто

У каждого, наверное, есть в метро что-то особенно любимое. Может быть, это красно клеточный, словно вышитый, узор пола «Белорусской», или фантастически подсвеченные «райские» ворота на «Октябрьской», или строгий мраморный орнамент вестибюля на старой «Киевской». А у кого-то уже есть любимый уголок и на новых, совсем новых станциях.

так походить взад-вперед по залитому светом вестибюлю. С непривычки москвичу трудно просто так пропускать поезда, будто что-то теряешь. И все же стоит сделать это, чтобы почувствовать пульс станционных залов, то темнеющих от сотен пассажиров, нетерпеливо переминающихся в плотной толпе, то вдруг пустеющих и похожих тогда на покои античных дворцов. Тогда редкие пассажиры испытывают то сдержанно приподнятое чувство исключительности, которое не может не испытывать человек, находясь один на один с огромным пространством...

Новые линии... Еще недавно они были в проекте и рисовались на схеме обещающим пунктиром. Теперь по их еще не раскатанным рельсам с шумом бегут поезда. Линии нового, выходящего на поверхность метро смыкаются с пригородными железнодорожными путями, и, выйдя из московского метро на «Филых» или «Ждановской», можно увидеть электричку, бегущую рядом. Москвичи быстро сжились с этой удобной новинкой и уже забыли, что Речной вокзал недавно казался далеким пригородом. Сейчас даже вообразить Москву без метро невоз-